

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РОССИЙСКИЙ ПУТЬ

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тюмень, 27 апреля 2015 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — писатель, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, и.о. ректора Литературного института имени А.М.Горького, главный редактор журнала «Литературная учеба», доктор филологических наук, профессор МГУ **А.Н.Варламов**.

Ключевые слова: культура, образование, русская литература, российский путь, российское общество

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Уже год как на «Губернаторских чтениях» мы говорим в основном об экономике. Причины такого уклона понятны: экономика всегда волнует всех, и особенно — в нынешний непростой период в жизни нашей страны. Тем важнее вспомнить, что жизнь нашей страны, как, впрочем, и каждого ее гражданина, к экономике не сводится. Более того, есть вещи важнее, чем экономика, есть вещи, к экономике несводимые.

Говорю, с полной ответственностью разделяя эту точку зрения: смысл жизни — важнее. Человеческое счастье и несчастье — важнее. Любовь и верность, ненависть и предательство, совесть и стыд — важнее любых хозяйственных вопросов. Кстати, вспомните: свою лекцию на предыдущих Чтениях крупнейший наш экономист, Георгий Борисович Клейнер, начал и закончил тезисом о вторичности экономики по отношению к этике. И если мы хотим найти твердые ориентиры на этой моральной карте, то к чему же обращаться нам, жителям России, если не к русской литературе? Тем более что она говорит с нами как раз об этом — о добре и зле. Думаю, именно так мы должны отнестись к проходящему сейчас в России «Году литературы».

Вот почему нашим сегодняшним гостем стал Алексей Николаевич Варламов — один из крупнейших литераторов современной России. Его славу и репутацию составили не только многочисленные рассказы, повести и романы. Не только глубокие биографические исследования, опубликованные в рамках легендарной серии «Жизнь замечательных людей» (Михаил Пришвин, Александр Грин, Григорий Распутин, Михаил Булгаков, Алексей Толстой, Андрей Платонов). Не только

литературные премии (их тоже было много; отдельно выделю три: премию Александра Солженицына 2006 г., национальную литературную премию «Большая книга» 2007 г. и Патриаршую литературную премию 2013 г.). Алексей Николаевич еще и обладает редким даром делиться с другими той мудростью, которую дает ему причастность к русской литературной традиции.

Член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, доктор филологических наук, профессор МГУ, ректор знаменитого Литературного института, главный редактор журнала «Литературная учеба»... Все это не случайно. Алексей Николаевич, какие ответы на наши современные вопросы может подсказать нам русская литература?

Но прежде — несколько слов от модератора Чтений Святослава Игоревича Каспэ.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор
Высшей школы
экономики
С.И.Каспэ**

Вообще, «Год литературы» в России — довольно странная инициатива. Потому что в нашей стране каждый год — год литературы, каждый век российской истории — век литературы. Так уж мы устроены. Наша цивилизация — это цивилизация слова и книги. Не случайно первой фразой, написанной славянскими буквами, была та, которой открывается Евангелие от Иоанна: «В начале бе слово». Так мы и живем, на том стоим.

На каждых «Губернаторских чтениях» мы ищем ответы на вызовы, ответы на острые вопросы, которые задает нам время. А все ответы — там. В книгах. В библиотеках. Надо только не лениться спрашивать: книги ответят, они разговаривают с нами. И пока мы спрашиваем у книг, мы не пропадем. Настоящей бедой будет, если мы разучимся спрашивать. Или — если спрашивать будет не у кого и негде. Так тоже случается.

У вас в руках экземпляры журнала «Полития». На этот раз многие из них выглядят странно — они перепачканы, они пахнут гарью. Но я не извиняюсь за это. Редакция журнала «Полития» находилась в здании Института научной информации по общественным наукам, ИНИОНа, знаменитого прежде всего своей библиотекой. ИНИОН сгорел. Эти журналы оттуда, они вывезены с пепелища. Пожар в ИНИОНе — национальная трагедия, без малейшего преувеличения. Потому что вместе с книгами сгорают ответы на вопросы, которые мы не успели задать. Надеюсь, наш сегодняшний разговор напомнит нам в том числе и об этой простой истине: книги не должны гореть.

А.Н.Варламов

Действительно, 2015 г. — «Год литературы». Но я все-таки не согласен с модератором, что для России каждый год является таковым. 30—40 лет назад — возможно; тогда было бы странно даже объявлять его, поскольку книги читали все, книги были дефицитным товаром.

Сегодня стремление государства обратить внимание на литературу выглядит как запоздалая попытка что-то исправить. Хорошо, по крайней мере, что она имеет место.

В теме своего доклада особое ударение я бы сделал на слове «путь», ведь Россия — большая страна, и в пространстве, и во времени. Как писал Блок, «О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!»

А ясен ли он нам?

Поссорившись с литературой, отвернувшись от нее, общество совершило трагическую ошибку, о последствиях которой пока даже не догадывается. В советские годы нам удавалось сохраниться именно благодаря русской литературе: все ее проходили! Русская литература — не просто перечень героев и произведений или набор знаний. Мне вспоминается история о том, как на рубеже XIX и XX вв. европейцы хотели культурно расчленить Китай, заставив его отказаться от иероглифов. Ведь для китайцев иероглиф — та самая «духовная скрепа», о которых сегодня так любят говорить, обычно без смысла и толка. Например, говор южных и северных китайцев очень различен, и устную речь друг друга они не понимают. А речь письменная — общая для всех, и она-то и образует единую цивилизацию! Так и русская литература — «скрепа» для русских. К сожалению, сейчас она ослабла.

Поколения россиян передают друг другу русскую литературу, и будет очень жаль, если цепочка прервется на нас: ведь потомки предъявят за это счет не только нашим правителям, но и нам самим.

Для меня «Год литературы» — попытка государства вспомнить о своей национальной сокровищнице. Русская литература, однако, всегда тревожно относилась к государственному вниманию, и не без оснований. Михаил Пришвин, которого, к слову, Тюмень буквально спасла в трудные годы жизни, оставил в 1925 г. в своем дневнике жесткую запись: «В Москве и Петербурге арестовано и высылается за границу около 200 литераторов, профессоров, инженеров. И все наркомы занимаются литературой. Даются громадные средства на литературу. Время садического совокупления власти с литературой». Слава Богу, сейчас такого нет, но некоторые, отвечая на вопрос, что делать сегодня с русской литературой, предлагают для возобновления к ней интереса посадить пару-тройку писателей, запретить некоторые книги, ввести цензуру. Но нельзя механически возвращаться к советскому прошлому, нельзя снова «делать биографию» писателю — так, как ее, по известному замечанию Анны Ахматовой, когда-то делали Иосифу Бродскому...

Но вот обратный пример. В 1990-е годы, когда я принимал вступительные экзамены в МГУ, один из абитуриентов, отвечавший по «Медному всаднику» и хорошо знавший предмет, трактовал это произведение как «либеральный протест» «либерального Пушкина». Я в ответ процитировал ему: «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид, / Невы державное течение...» — и спросил, в чем здесь можно разглядеть критику самодержавия? Нельзя сводить

многообразие русской литературы лишь к ее противостоянию власти! Мы не можем определиться ни с нашим прошлым, ни с настоящим, ни с будущим, поэтому страну все время и шарахает из стороны в сторону. Русская литература замечательна тем, что выработала — как противостоящие этим метаниям — некий этический и поведенческий эталон, который проясняется при каждом перечитывании классики.

Первая часть «Медного всадника» — гимн государственности, в который Пушкин вложил много личного: любви и к Петербургу, и к русской истории. Его строки из письма Чаадаеву можно считать национальным символом: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков». С другой стороны, в «Медном всаднике» действительно поднимается проблема конфликта между достоинством «маленького человека» и «правдой государства».

Я обращался к этим мыслям, когда работал над биографиями писателей для серии ЖЗЛ, и открыл массу поразительных вещей. У упомянутого Пришвина, например, мы в первый раз встречаем слово «скрепа» в привычном сегодня смысле. «Россия разломится... Скреп нет...» Это 1909 г., и это предчувствие 1917 г., предчувствие того, что Россия рухнет. Пришвин резко негативно относился к советской власти — как и Бунин, с которым они учились в одной гимназии в Ельце, а потом жили в соседних деревнях и фиксировали в своих дневниках похожие сюжеты, предвидя катастрофу российской истории. Бунин выбрал эмиграцию; Пришвин мучительно вращался в советскую жизнь, постепенно принимая новую власть.

Читая дневник Пришвина на волне перестройки, я осуждал его — как конформиста и труса. Потом, посмотрев на него менее идеологизированным взглядом, я увидел, что перед нами не предатель, а просто умный человек, который пытается переосмыслить и себя, и советскую власть, и свои отношения с ней. Такова мучительная правда жизни, за которой интересно и поучительно следовать. Она вобрала в себя те моменты нашего исторического пути, которые способна отразить только художественная литература.

Мы все жалуемся, что нет учебника, который мог бы однозначно преподнести нам всю нашу неоднозначную историю (особенно XX в.). А он на самом деле есть. Русская литература в этом плане объясняет больше, чем любые исследовательские статьи, — персоналиями, произведениями, судьбами. Это меня некогда заворожило, это давало мне ощущение глубины исторического пути страны, когда в 1990-е годы зашаталась ее государственность.

В МГУ недавно состоялась конференция, посвященная «Году литературы». На ней один уважаемый человек, священник, с воодушевлением говорил, что наконец закончились годы советского безбожья, «раковой опухоли» 1970—1980-х. Слова, с одной стороны, правильные; с другой стороны, я против теряющего меру оплевывания прошлого.

Что же с нами происходило на самом деле? В 1970—1980-е годы присутствовало ощущение, что все (телевидение, радио, газеты) лгут. Существовали две реальности: одна — фактическая, другая — выдуманный образ, в который предлагалось верить.

Но ведь в печати появлялись книги, наполненные настоящей жизнью! Вспомним, например, «Царь-рыбу» В.Астафьева, «Живи и помни» В.Распутина, произведения Белова, Трифонова, Айтматова... Насколько они были сильнее и живее пропаганды! История не сводится к отжившим идеологическим штампам, и литература несет в себе чувство российского пути. Ни один другой тип искусства не способен его передать, потому что Россия — логоцентричная страна, страна слова. У всех перечисленных авторов (и у многих других, конечно) было невероятное чувство Родины. Поэтому, когда сегодня звучат утверждения, что ничего хорошего вообще не было, одно лишь внимание к литературе показывает, что все не так просто, плоско и одномерно.

Если люди не читают, они лишают себя драгоценного духовного запаса, данного им буквально просто так, задаром. Мы ничем этого не заслужили, но у нас есть Достоевский, Толстой! Недавно на другом собрании, тоже посвященном «Году литературы», некий молодой человек от партии ЛДПР выступал с критикой школьной программы, по его мнению, неудобоваримой, громоздкой... Но если пойти тем путем радикального упрощения, который он предлагал, то нынешний «Год литературы» точно окажется последним! Как ребенок, выросший в советской семье, я вспоминаю свои впечатления от «Преступления и наказания» Достоевского. Станным образом не запрещенный большевиками (до сих пор не понимаю почему), этот роман учил меня каяться, молиться Богу... Вот что давала и дает нам русская классика!

Я занимаюсь русской литературой XX в., поэтому идея связи ее развития с эволюцией государственности мне особенно близка, чувствуется сильнее. Почему в «Медном всаднике» в Петербурге от наводнения сошел с ума некий человек? А есть важная деталь: главный герой, Евгений, из знатного рода, но... забыл о своем происхождении! То, что с ним происходит, — возмездие исторической памяти. Почему «Медный всадник» — классика? Потому что это произведение постоянно переосмыслялось, в том числе в 20—30-е годы XX в. Проблематика столкновения маленького человека и большого государства стала снова острой в контексте репрессий, коллективизации... Через Пушкина тогдашние люди старались понять, что с нами происходит.

Пришвин, чистейший индивидуалист, работая над романом «Государева дорога», вдруг удивительным образом проявил себя как государственный до мозга костей. Я бы объяснил это ощущением катастрофы, ужасами революции, гражданской войны. Взбаламученную Россию, по его мнению, могла привести в чувство только сильная власть, государственная рука, без которой наш особый путь прервется. Жертвы на этом пути, безусловно, уязвляли его сердце; но проблема была не в том,

чтобы примирить человека и государство, а в том, чтобы понять и того, и другое, разрешив противоречия художественно. Поэтому роман «Государева дорога» стал первым романом о ГУЛАГе; и, конечно, в сталинские времена его не опубликовали, несмотря на весь пафос примирения с властью.

А Платонов тогда же, в 1930-е годы, обратился к «Медному всаднику». Он написал статью с гениальным названием «Пушкин — наш товарищ», в которой спорил с социологическим прочтением Пушкина (делавшим акцент на теме «власть-человек») Луначарским. Такая трактовка, по его мнению, не объясняла взглядов самого Пушкина, который концентрировался на противопоставлении образов главного героя и Петра I. Они оба — «строители чудотворные» (сферы личной жизни и государства соответственно), но не могут друг друга понять. Отсюда возникает их конфликт.

Из сказанного очевидно, что даже в 1920—1930-е годы градус интеллектуальных дискуссий в стране, в ее общественной мысли не спал. Заявляя об этом, я вовсе не защищаю чудовищный советский период, а лишь опираюсь на собственные литературные исследования. Историю надо стремиться понимать, слышать... Как, впрочем, не только историю, но и просто друг друга.

Раньше литературная и общественная жизнь не были настолько разделены: за конфликтом между журналами «Новый мир» и «Октябрь» в послевоенные годы следила если не вся страна, то, по крайней мере, вся интеллигенция. Все знали, кто такие Твардовский и Солженицын, отстаивавшие ценности «оттепели». Все знали, что «Октябрь» — более консервативное, даже партийное издание. Хотя в результате закрыли и тех и тех, новая ситуация 1970-х годов тоже оказалась дискуссионной.

Съезды советских писателей, если вы помните, проходили в Кремле. И даже Брежнев как-то выступил на таком съезде с докладом. Во время перестройки Горбачев несколько раз созывал главных редакторов литературных журналов, чтобы обсудить насущные проблемы страны. Действительно, «поэт в России — больше, чем поэт», как сказал Евтушенко. Литература оказывала влияние и на принятие государственно важных решений. Стараниями С.Залыгина, главного редактора «Нового мира», было остановлено строительство Нижнеобской гидроэлектростанции — тем самым удалось прекратить воплощение безумного проекта поворота сибирских рек. «Лебединой песней» влияния русской литературы на общественно-политическую жизнь стало участие писателей в работе I Съезда народных депутатов СССР, за которой вся страна безотрывно следила по телевизору...

Сегодня все это сошло на нет, и я уверен, что никто, кроме специалистов, не имеет представления о происходящем в литературной жизни страны. Литераторы стали узким, замкнутым сообществом. Лишь изредка отдельные новости просачиваются из него вовне, причем

в основном в «желтую прессу». С одной стороны, это плохо, поскольку литература всегда была национальным достоянием. С другой стороны, даже хорошо, потому что споры наши стали настолько неприятными, что лучше бы никто о них и не узнал... Иногда возникает ощущение, что современное литературное сообщество больше не соответствует тем нормам и принципам, которым исторически следовало. Уходят крупные авторы (Астафьев, Солженицын, Распутин, Белов, другие...), а новые, к сожалению, не обладают нравственным авторитетом.

Что-то не складывается, нарушилась какая-то гармония между литературой и обществом. Идеей «Года литературы» как раз и могло бы стать новое знакомство русского писателя и российского читателя. Надо представить их друг другу заново, показать порядок проблем, поднимаемых современной русской литературой. Он, к слову сказать, все так же велик: сейчас, например, ведутся споры о том, как относиться к Солженицыну. В какой-то момент он казался незыблемой величиной, однако теперь предпринимаются попытки переоценить его роль...

125-летний юбилей ЖЗЛ — показательный в современном литературном процессе факт. Серия, безусловно, находится на подъеме. Документальная литература сложнее преодолевала советскую цензуру — биографии Пастернака, Мандельштама, Платонова раньше просто не могли появиться. Теперь это возможно. Однако серия ничего не подчеркивает, не переназначает исторических героев, как это было в 1917 г. или в 1930-е и 1960-е годы. Не надо клеить ярлыки, заставляя человека выбирать что-то одно: ему может нравиться Европа, но при этом он может любить и Россию.

Российский путь должен давать возможность находиться в одной книжной серии биографиям Деникина и Врангеля и биографиям Ворошилова с Буденным. Между прочим, ЖЗЛ исторически началась с биографии противоречивого, но замечательного Игнатия Лойолы! А продолжается тем, что на одной полке стоят рядом и Сталин с Лениным, и Николай II с Александром III, и Маяковский с Булгаковым и Фадеевым. И на книжной полке они не конкуренты! Русская литература тем и замечательна, что создает многообразие персоналий, отражающих «русский путь», но не сводит его к какому-то одному магистральному направлению. Только, наверное, Блоку была дана духовная зоркость, отчетливое видение долгого духовного пути; не думаю, что сегодня есть человек, который все видит так же ясно. Мы лишь очень туманно представляем себе его длину...

Недавно я спорил с сокурсником, который удивлялся, почему Зюганову дали орден Сергея Радонежского. Коммунистическая партия ведь гнобила церковь! Да и сам я чувствовал нечто похожее, когда однажды увидел Зюганова в храме Христа Спасителя. Но потом ко мне пришло осознание того, что у элиты свои законы и правила. На юбилее серии ЖЗЛ директор Юркин благодарил Зюганова за то, что тот некогда спас издательство «Молодая гвардия» от разгрома: в лихие 1990-е годы

рейдеры хотели сцапать недвижимость, но он сказал в нужном месте нужные слова. Сегодня издательство выпускает, например, биографию Солженицына — разве для этого Зюганов его спас? Напрямую, конечно, нет. Но все равно получается, что продолжается большое российское дело — создается русская история, печатаются прекрасные книги... И что за одно это Зюганову простится? И кто мы такие, чтобы решать, что ему простится, а что нет?

Некоторое время тому назад я задумал биографию А.Н.Толстого. Задумал как памфлет о том, до какой низости может пасть писатель, поставивший свой талант на службу режиму. Но по мере работы я кардинально переосмыслил свое отношение: Толстой меня победил как человек. Когда я осознал все труднейшие обстоятельства его жизни, в том числе причины его возвращения в советскую Россию, мифы стали распадаться. Вместо них для меня постепенно проявлялся тот самый образ русского пути, и в особенности образ советского времени!.. Как вы помните, Бунин остался за границей; и его выбор — тоже часть российского пути, выбор тех, кто пытался сохранить чистую Россию и отказывал Стране Советов в праве носить это имя. Историю невозможно облегчить, отформатировать, засунуть в простой учебник...

Спор И.А.Бунина и А.К.Толстого — важнейший спор о России. Для первого «Красная Россия» — это оксюморон. Он не желал с ней иметь ничего общего, а хотел в Париже лелеять миф об утраченной великой стране. Для Толстого же оксюморон в другом, в словах «Россия кончилась». Для него она не подлежит исчезновению: «уезд от нас останется, — и оттуда пойдет русская земля». Цвет не важен, и переменится еще много раз. Главная ценность — история. И уже в 1941 г. Бунин пишет Толстому письмо о помощи, просит содействовать его возвращению в Россию; тот действительно обратился к Сталину, но реэмиграции Бунина помешала война. Для меня стало не просто интересно разбираться в драматизме жизни Толстого, следить за его судьбой — я начал любить его как человека. Кстати, именно через его произведения я пришел к работе над биографией вашего земляка, Григория Распутина...

Герои серии ЖЗЛ очень разные. Они прожили сложные жизни, они не одинаково относились и к советским, и к христианским ценностям. Перед нами пестрая палитра, а не иконостас — так надо думать о нашей истории. Когда начинаешь писать биографию известного человека, как бы он ни был несимпатичен тебе вначале, в процессе ты начинаешь его понимать, прощать... а потом даже любить. Где тут идеология? Идеология только в том, что мы должны любить и прошлое, и настоящее, не осуждая, не выставляя однозначных оценок. Наши школьники хорошо знают об изменнике генерале Власове, но не знают ничего о генерале Карбышеве. В советское время все было с точностью до наоборот. Плохо и то, и другое. Задача образования состоит в том, чтобы наши школьники знали обоих. Ведь то, что Власов выбрал свой

страшный, трагический путь, не отменяет ни самого факта его жизни, ни того, например, что в 1941 г. он внес огромный вклад в спасение Москвы...

Наше отношение к Отечественной войне святое, она была истинно народной. Мы одержали победу, защищая не государственный строй и партию, а землю, страну и ее историю. Именно литература дает понимание глубины и масштаба этого факта. Гитлер вторгся в Россию, которая была большим ГУЛАГом. Он рассчитывал, что поработанный народ не будет защищаться, поднимет восстание против Сталина, но оказался глубоко неправ. Почему в русском человеке любовь к Родине пересилила обиду на советскую власть? Никакой учебник истории вам этого не расскажет, объяснит только наша литература. Приведу лишь пару примеров.

Г.Владимов в романе «Генерал и его армия» попытался понять немцев и показать их не как зверей, а как умелых профессионалов и завоевателей. Гудериан, будучи рыцарем в своем деле, идеальным воином и полководцем, проигрывает русскому характеру, а советский человек одерживает духовную победу. Как? Владимир объясняет это одним эпизодом. Гудериан приказывает вынести на главную площадь города Орла трупы убитых в тюрьме перед отступлением советских войск политзаключенных, чтобы люди могли с ними проститься. Это было, и это сделали не немцы, а именно НКВД. Люди прощаются с близкими, но на самого Гудериана смотрят зло. И местный священник объясняет Гудериану, что его жест — холодный расчет, в нем нет любви. А там, где нет любви, нет правды. «Каждый шаг человека есть ошибка, если не руководствуется он любовью и милосердием»...

Или повесть «Ушел отряд» знакомого мне лично Л.Бородина, отсидевшего по политическим мотивам в брежневских и андроповских лагерях более 10 лет. На таком же глубоком уровне она рассказывает «художественную правду», которая никогда не будет доступна публицистике, не имеющей подобного исторического опыта. Тем более жалко, что сейчас русскую литературу постигает роль заповедного леса или заброшенного дома, куда никто не ходит. От этого и она сама страдает, и стране плохо.

Складывается ощущение, что сегодня литературе не доверяют воспитывать новые поколения. Этим занимаются пиарщики, «профессионалы», умеющие надавить на нужную кнопку. Страшная ошибка! Правильнее было бы обратиться к литературе, идущей к человеческому сердцу напрямую, без помощи технологий.

Но все-таки имеются и позитивные явления. Отрадно, например, что в школу сегодня возвращаются сочинения. Кстати, два года назад на встрече с президентом в Кремле я говорил и о метафоре «иероглифа», с которой начал свою сегодняшнюю лекцию (и которая, к слову сказать, понравилась Путину). Возможно, и это оказало какое-то воздействие, не знаю...

Да, учителям трудно брать на себя лишнюю ответственность, уделять время проверке сочинений. Трудно и детям, которые разболтались и не хотят читать книги. Но сейчас нужны именно усилия, надо возвращаться к позитивному опыту образования, в том числе советского, да и постсоветского. Я до сих пор не понимаю, зачем на наших глазах сломали систему, которая работала.

Два президентских совета, по науке и образованию и по культуре и искусству, обсуждали преподавание литературы в школе. Присутствовал Фурсенко, которого мне до этого много раз доводилось ругать заочно. Поэтому я задал ему прямой вопрос: «Скажите, зачем Вы устроили реформу системы образования?». Но Примаков как настоящий дипломат сразу перехватил слово и начал говорить на тему, абсолютно не относящуюся к вопросу. Ответа я так и не получил. Взять и все разрушить — настолько же глупо, насколько глупы попытки вернуться в Советский Союз, забыв и вычеркнув бесценный опыт 1990-х годов, опыт свободы.

Государственная власть и культура сейчас расходятся в базовых интересах: первая хочет эффективности, а вторая принципиально не может так функционировать. В культуру и науку можно только вкладывать, не рассчитывая на немедленный результат. Поэтому, мне кажется, в современном обществе культура находится под угрозой.

Литературы сегодня не хватает прежде всего на центральных теле- и радиоканалах. Вот характерная история. Недавно на большом федеральном телеканале задумали проект про современную литературу: планировался прайм-тайм, планировался Максим Галкин в роли ведущего (а он, между прочим, неглупый, образованный человек и хочет поменять свой имидж). Но вышло как обычно: подумали-подумали... и сделали ток-шоу «10 миллионов». Вот цена культурной политики в наше время.

Удастся ли «Году литературы» изменить ситуацию? Не уверен. Скорее надо действовать точно, стараясь сгладить традиционный для России перекосяк в сторону центра. Каждый город должен пестовать собственных писателей, продвигать собственное дело, двигаться собственным путем. В Петрозаводске, например, живет И.Мамаева — очень тонкий автор, без дидактизма, без занудства пишущий современную деревенскую прозу. Удивительная вещь! Она публикуется в Москве, но в родном городе совершенно неизвестна — нет там о ней ни одного плаката, нет ни одной новости в местной прессе...

Наш сегодняшний разговор — попытка обратить внимание на эту проблему, создать своего рода броуновское движение, которое вдруг да сможет повлиять на общий ход вещей. Тем больше шансов, что где-то кто-то вырастет, что где-то произойдет что-то новое! Россия богата на таланты, но сейчас нет соответствующих условий для их развития. Впрочем, такие условия трудно создать целенаправленно. Поэтому я могу лишь советовать взбивать молоко, надеясь, что оно превратится в масло. Как это всегда в России и было.

**Главный редактор
журнала «Югра»
(г. Ханты-
Мансийск), депутат
Тюменской
областной думы
С.С.Козлов**

Русская литература и русский путь... Уже сколько раз приходилось слышать, что у России общий путь то с Европой, то с Востоком, то с Евразией, то со всем миром, словно своего пути у нее быть не может. Мечется она, огромная, то влево, то вправо... Но ведь что-то заставляет ее держаться на какой-то одной, верной основе?

А что такое цивилизация? И особенно цивилизованность?! Что под цивилизованностью понимает самый «цивилизованный» западный мир? Возможность бомбить нецивилизованных в Югославии, в центре Европы? Невольно задаешься вопросом: а по пути ли нам с такой цивилизацией, которая летит в ад и расчищает дорогу грядущему Антихристу? Если весь мир хромает, совсем не обязательно идти с ним в ногу!

Что же остается основой, на которой стоит мечущаяся и страдающая Россия? Это вера, язык и слово. Особую роль в их формировании и укреплении всегда играла русская литература. При этом настоящая литература так или иначе вела к Богу, а другая вела только к «цивилизованности»... Однако среднего пути между ними нет.

Все великие писатели России были верующими. Посмотрите, почитайте о последних днях Пушкина и Достоевского... Раскаяние и причастие... Великий Пушкин испускает последний вздох с именем Спасителя на устах. Гоголь, умирая, видит Небо и просит лестницу. Звал священника и Толстой, да было поздно...

Сострадательная, жаждущая высшей справедливости русская душа стремится гармонически слиться с любовью Христовой и божественным словом Нагорной Проповеди, потому как ничего ни до, ни после не звучало для людей более милосердного и нравственного. Потому настоящая русская литература, начиная со «Слова о законе и благодати», ведет к Богу.

Митрополит Иоанн (Снычев) в работе «Что будем возрождать» еще в сложные 1990-е годы писал: «Церковная основа русского бытия сокрыта в самом сердце России, в самых глубоких корнях народного мироощущения. <...> „Патриоты“, клянущиеся в любви к России-матушке и одновременно отвергающие Православие, любят какую-то другую страну, которую они сами себе выдумали. <...> Лишь признание той очевидной истины, что вопросы русского возрождения — это вопросы религиозные, позволит нам вернуться на столбовую дорогу державной российской государственности. Здесь — ключ к решению всех наших проблем».

Итак, какая литература, к примеру, ведет сегодня по тому самому русскому пути? Назову лишь некоторые имена — маяки в великом море русского слова: это только что выступавший Алексей Варламов; это бывавший у нас в Тюмени Юрий Козлов, это Александр Сегень и Захар Прилепин, Станислав Куняев и Михаил Тарковский. И ряд других авторов, в том числе и недавно ушедшие В.Распутин, Л.Бородин, В.Орлов.

Сибирские раздолья дали стране многих масштабных писателей; могущество российское — не только материальные богатства. В него

включено и то ментальное разнообразие, которое добавляют сибиряки. И будут добавлять!

**Зав. кафедрой
издательского
дела
и редактирования
Института
филологии
и журналистики
Тюменского
государственного
университета
Н.П.Дворцова**

Я бы хотела коснуться трудной темы молчания писателя. Почему она важна именно сегодня и именно сейчас? Мне кажется, потому, что она способна объяснить происходящее с нашей литературой.

Когда в XVIII в. роль религии в обществе поменялась, место святого занял русский писатель, которого наделили функциями подвижника, пророка, мученика. Однако в конце XX в. ситуация резко изменилась: писатель стал субъектом рынка и утратил общественный статус.

Миф великой русской литературы — основа нашей культуры. И я бы хотела напомнить одну из ключевых его формул: «искусство есть служение и радость» (И.Ильин). Молчание писателя всегда оглушительно — это тайна, понять которую сложно. Художник перестает верить в литературу, в ее способность изменить мир, и подобный кризис пережили многие русские авторы.

На нашей земле, под знаком сибирской Ипокрены, существует великая литература. Образ Ипокрены возник в Тобольске в 1789 г., когда купец Василий Корнильев и ссыльный поэт Панкратий Сумароков создали первый сибирский литературный журнал — «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Этот журнал оставил нам три великих идеи: преобразования Сибири; Сибири как источника поэтического вдохновения; Сибири как пространства встречи Европы и Азии.

Хотела бы, продолжая линию сибирской литературы, подробнее остановиться на творчестве А.П.Неркаги, которая в последней четверти прошлого века написала четыре уникальные повести (последняя вышла почти 20 лет назад, в 1996 г.). А потом замолчала. Однако сама она считает это время молчания «спасительным» для себя: живя в тундре, она построила школу для детей-сирот, создала целое направление этнопедагогики... И вот только что появилась новая книга «Мудрые изречения ненецкого народа», фундаментальный текст — одновременно и учебник ненецкого языка, и педагогический трактат, и литературное произведение. Книга как раз и демонстрирует, каким может быть настоящий путь писателя — от литературы к молчанию и от молчания к новой литературе как жизнотворчеству. Молчание может быть плодотворно. Если литература молчит сейчас, это еще не значит, что она будет молчать вечно.

**Профессор кафедр
культурыологии
и социально-куль-
турных технологий
Тюменского госу-
дарственного
института культуры
Л.Н.Захарова**

Писатель становится писателем, когда обретает читателя. Однажды на занятиях со студентами (не филологами, но вроде бы вполне культурными людьми), я задала им простой вопрос, на который никто не смог ответить. Вопрос был: кто такой Евгений Евтушенко?.. Да и Высоцкого они знают и представляют только по фильму, а не по стихотворениям. Эту ситуацию надо менять!

Но что делать? Как представитель поколения, для которого писатель по определению был значимой общественной фигурой, я вижу,

что сегодня положение изменилось. Писатель должен как-то учитывать «медийность», идти к молодежи, пытаться ее заинтересовать...

Ощущается и острая нехватка положительных героев. Когда в рамках курса о лидерстве студенты должны были выбрать пример яркого, позитивного лидера, среди них никто не обратился к русской культуре и истории. Сплошной Билл Гейтс...

Действительно, литература — основа нашей культуры. Однако современные интерпретации зачастую не позволяют молодежи добраться до классики. Свобода интерпретации непреложна; но не надо забывать и о первоначальном авторском замысле. Надо в первую очередь знать оригинального Пушкина, Островского — а уже потом знакомиться с их интерпретациями.

**Свободный
микрофон**

Руководитель Тюменского отделения Союза писателей России Л.К.Иванов: Вы цитировали дневник Пришвина — о наркоммах и литературе. Теперь, конечно, времена другие... Вот они, наркомы, сидят здесь — и никто из них не хочет «совокупляться» с литераторами. В правительстве области просто нет человека, который бы курировал литературу. Я предлагал ввести такую должность, но на меня замахали руками: мол, у нас же сокращение штатов, а ты предлагаешь новую единицу создать. Но ведь можно это сделать путем перераспределения полномочий! А то мы устраиваем «Литературные десанты»... Это, конечно, хорошо, но в последний раз мне пришлось на своей машине четырех писателей возить на чтения в Ялуторовск и самому оплачивать бензин!

Депутат Тюменской областной думы Г.А.Трубин: Существует такое выражение: «У богатых дома большая библиотека, у бедных — большой телевизор». Должна ли литература идти в телевизор и интернет, чтобы не оторваться окончательно от народа?

Председатель Тюменского отделения межрегионального движения «В защиту человека труда» И.О.Ураков: По моему мнению, нужно повысить статус профессии «писатель». Начать следует хотя бы с включения ее в классификатор профессий и специальностей. Тогда возникнут не только свои цеховые награды, но и социальные гарантии. Современный российский писатель должен чувствовать себя полноценным человеком труда!

Профессор Тюменского государственного университета С.В.Кондратьев: Я историк, и как историк не могу согласиться с утверждением депутата и писателя Козлова о том, что вне православия нет русской литературы. Литература как занятие пришла к нам из Европы в XVIII—XIX вв., где литераторы были секуляризованными людьми, зарабатывавшими своим творчеством себе на хлеб. Такими же они были и в России. Странно теперь, в XXI в., отмежеваться от

Европы и забывать о том, что литература, как мы ее знаем, — секулярный институт.

Учитель русского языка и литературы школы № 72 г. Тюмени М.М. Чуйкова: Не только «служение муз», но и читательское искусство в равной мере «не терпит суеты». Загруженный учитель — плохой читатель, поэтому еще худшими читателями становятся его ученики. Подумайте над этим! Подумайте, что можно сделать с удушающей нас бюрократической рутинной!

Депутат Тюменской городской думы А.М. Селезнева: Какая книга, обычная или электронная, больше соответствует сути и будущему русской литературы?

Директор Института изобразительных искусств и музейных технологий Тюменской государственной академии искусств и социальных технологий В.И. Семенова: Проблема шире, чем кажется: в современной России потерян вкус к художественному слову. Необходимо создавать условия для его возрождения, увеличивать число литературных мероприятий для широкой публики. Тогда появятся благодарные читатели. Современный же «телеграфный стиль» отбивает интерес к чтению!

С.И. Каспэ

Сегодняшняя тема меня чрезвычайно волнует, поэтому позволю себе небольшое отступление от роли нейтрального модератора. Я не спорю с тем, что русской литературе сейчас трудно; конечно, трудно. Однако вот несколько цитат, способных внушить нам оптимистический взгляд на ее судьбы. Причем сами цитаты парадоксальным образом сплошь «похоронные».

«Если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: „Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европой?“ — Что будем отвечать ему? <...> Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы» (Иван Киреевский, 1829 г.).

«Теперь нет литературных вождей, подобных прежним; они исчезли один за другим, русская литература утратила их в самый год смерти Белинского» (Николай Добролюбов, 1858 г.).

«Одни говорят, что наша литература хиреет и чахнет оттого, что она не имеет здоровых корней... оттого что она не имеет живой связи... с тем простым народом, который живет в деревне. Чего же можно ожидать, кроме фантазерства или мертвечины, от подобной кабинетной, книжной литературы, не выдавшей и в глаза тех людей, на которых должна быть направляема ее заботливость?» (Михаил Антонович, 1876 г.).

«Напрасно, гордясь великим прошлым, мы стали бы утешать себя мыслью, что не может постигнуть полное литературное варварство ту страну, у которой есть Пушкин, Тургенев и Толстой. Благодатные гении прошлого отстают от своего народа, если он недостоин их. <...> Кто знает, и современная литературная Россия может наконец сделаться недостойной великого прошлого, недостойной Пушкина, и Пушкин станет чужим в одичавшей литературе, и гений его — страшно сказать — отступится от своего народа» (Дмитрий Мережковский, 1894 г.).

Понимаете, о чем я? Сколько русская литература существует, столько ее и хоронят. К счастью, похороны пока не состоялись. Видимо, и не состоятся никогда. Поэтому даже в самые трудные времена давайте не терять оптимизма. Хорошие писатели в стране есть; все, не надо никаких других доказательств того, что русская литература не пресеклась. А стало быть, и Россия не пресеклась. Не надо попусту запугивать себя и других.

А.Н.Варламов

Прекрасно понимаю, что писателю, живущему не в Москве и не в Петербурге, приходится выстраивать свои отношения — и с властями, и с издательствами — по-другому. Однако кризис писательских организаций ощущается не только в провинции, он заметен и в столицах. Раньше существовал Союз писателей, созданный Горьким. Он был противоречивой структурой, обладавшей и сильными, и слабыми, даже позорными сторонами. Однако мой друг П.Басинский считает неоспоримой заслугой Горького и Союза писателей то, что его участники в то сложное время хотя бы таким образом объединились.

На встрече президента с литературной общественностью, проходившей в РУДН, возникла идея, что надо преодолеть раскол, произошедший среди писателей в 1980—1990-е годы, и создать нечто похожее на практику прошлой эпохи. Это позволило бы эффективнее решать проблемы собственности, материальной помощи. Но мне кажется, прежде всего на примере Москвы, что раздоры преодолеть не удастся. Никакой новой идеологии, способной объединить авторов, нет — как нет и группы писателей, которая могла бы возглавить объединение на федеральном уровне. А раз нет, то не надо и пытаться. Но вот на региональном уровне, напротив, какие-то позитивные изменения вполне могут произойти.

А вообще-то литератору положено пробиваться в одиночку, работая прежде всего над качеством своего слова. Человек должен сам тянуться, сам «доныривать» до глубины, а не обижаться и не искать виноватых. Захар Прилепин, Алексей Иванов — хорошие примеры авторов, которые смогли «донырнуть», пробиться к славе из провинции. А Михаил Тарковский вообще уехал из Москвы и сделал себе имя именно в сибирской тайге!

Об интернете. Если запретить и его, и особенно телевидение, книжные тиражи, разумеется, увеличатся. Но зачем говорить о том, что

в принципе невозможно и категорически не нужно! Да, коммерческая «цензура» в чем-то, может, и тяжелее цензуры тоталитарных времен. Сегодня зарабатывать литературой получается у очень немногих; я и сам ради писательства отказался бы от всех своих должностей. Увы, не могу — семью кормить надо. Зато можно писать не то, что положено, а то, что пишется.

Рассуждать о профессии «писатель» — дело юристов. Но среди моих знакомых нет ни одного, заявляющего: «Я писатель, поэтому платите мне деньги». В наши времена, пусть и к сожалению, критерием служит коммерческий успех. Как говорил Шукшин, спрос должен быть только с себя. «Выверни себя наизнанку, но не кричи в пустом зале!» Конечно, я не говорю о необходимости абсолютно «дикого» рынка — есть множество рациональных проектов, нуждающихся в централизованной поддержке. Но именно в поддержке, а не в подчинении!

Тема русской литературы и русского православия для меня чрезвычайно интересна. Но смотрите, какой парадокс: с одной стороны, понятно, что русская классика насквозь христианская, с другой стороны, нелепо же называть Пушкина «православным писателем». То, что понятия литературы и религии оказываются разведены, имеет глубокий смысл: русская литература не выставляет свою веру напоказ, для нее она — сокровенное целомудрие. Клерикальность не ее знамя. Ведь насколько мало церковная жизнь представлена в классике! На всего «Евгения Онегина», «энциклопедию русской жизни», — «три раза в год они говели»... В «Преступлении и наказании», истинно христианском романе, один раз появляется и тут же исчезает безымянный священник, а о Христе говорят убийца и проститутка! Так что не надо упрощать эти delicate отношения.

Проблемы учителя русского языка и литературы в школе — тема очень правильная и актуальная. Учитель Сергей Волков, активный представитель интернет-сообщества, да и просто замечательный педагог, главный редактор газеты «Литература», приводит множество примеров того, как современный школьный учитель вынужден большую часть своего времени тратить на отчеты и методические требования. Любое его действие с классом как-то называется и чем-то регламентируется! Путин однажды отреагировал на его смешные и часто абсурдные истории словами в адрес Министерства образования: «Перестарались, ребята!»; ничего не изменилось. Еще раз: я стою всей душой за возврат сочинений, но понимаю, какой трудной дополнительной ношей они станут для преподавателей в школах.

Реплика из зала

Не бойтесь, мы справимся!
(*Аплодисменты*)

Мне все равно, как будут читать Пушкина и Лермонтова, меня и моих друзей — в электронном или в бумажном формате. Конечно, лично мне нравится больше бумажный, но вот моя жена, например, по пути

на работу, в аду московского метро, может читать только электронную книгу. Что тут плохого? Писатель Владимир Сорокин тонко заметил, что на бумажную книгу можно поставить чайник, то есть она — часть нашего обыденного мира. Что ж, придет поколение тех, кто чайники на книги ставить не станет, а читать все равно будет, — и отлично. Главное — не прекращать читать.

В.В.Якушев

Действительно, наша литература продолжает оставаться зеркалом нашего общества, это видно по всей сегодняшней дискуссии. Отреагирую на то, что задело лично меня. Писательские организации в кризисе — да, но разве это уникальное явление? Да назовите мне те организации, которые сегодня не находятся в кризисном состоянии! В 1990—2000-х годах от достижений предыдущего периода не оставили камня на камне, и теперь приходит осознание, что многое надо воссоздавать, возвращать. А для этого нужно немалое время! Здорово, что мы хотя бы заговорили о такой потребности, здорово, что хотя бы «Год литературы» объявлен.

Поддержка писательских организаций — дискуссионный вопрос. Их же всегда несколько, и все выпрашивают у правительства материальную помощь. Как тут разобраться? Думаю, мы постепенно определимся с приоритетными направлениями поддержки: жизнь все расставит по своим местам.

А еще «Год литературы» создал дополнительный повод обсудить, как сегодня устроена не только русская литература, но и школьное образование, без литературы немыслимое. Я не знаю и не понимаю, чем руководствовались те, кто убрал из школьной программы сочинения. Их непременно надо вернуть; они — самая продуктивная для развития мышления ребенка форма работы. Сложностей у учителей в связи с ней не прибавится, уверен. С другой стороны, учителя и впрямь зажаты в тисках проверок и регламентационных мероприятий. Поэтому действительно трудно ожидать, что они вдруг станут читать больше нынешнего, — сутки не резиновые. Но если не будут читать они, не будут читать и наши дети. А значит, тиски эти нужно разжимать.

Не только в образовании, но и в здравоохранении, в экономике одним из ключевых является вопрос кадров. Любую проблему нужно решать именно отсюда. Любовь к русской литературе и ее истории прививается и в семье, но наибольшая нагрузка лежит все равно на школе.

Переходный, кризисный период в стране еще не пройден, поэтому надо сосредоточиться на поиске инструментов для его преодоления. Во-первых, надо вернуть сочинения, которые учат думать; во-вторых, надо беседовать с детьми в семье, заинтересовывать их чтением; в-третьих, нужно прививать им любовь к литературе в школе. Успехов на всех этих трех путях у нас пока мало. Сидящие в аудитории матери и отцы, думаю, со мной согласятся. Но за нас проблему эту никто

не решит, поэтому над ней следует работать сообща и ставить вопросы как можно острее.

Как очень точно сказал А.Н.Варламов, советская школа, по крайней мере, работала как система. Никто, конечно, не говорит, что ее надо восстановить в прежнем виде, но многие инструменты, ранее применявшиеся эффективно, можно и нужно позаимствовать. Если мы сейчас не обратим самое пристальное внимание на программы наших общеобразовательных учреждений, никаким другим способом привить детям любовь к литературе не выйдет. Если мама ребенка оказалась учителем русского языка и литературы, ему повезло: она с ним поговорит, научит различать «что такое хорошо, что такое плохо». Однако далеко не каждой семье так везет!

Поэтому, как уже было сказано и Варламовым, и Шукшиным, начинать надо с себя. В некоторых школах созданы советы родительской общественности, обладающие серьезными полномочиями. Где-то они работают хорошо и находят общий язык с преподавателями, другими родителями и школьниками, где-то — хуже. Но ведь никто не мешает активно участвовать в совместном образовании подрастающего поколения, формировать у детей вкус к литературе! Совсем не обязательно замыкаться на подготовке к ЕГЭ; так поступают только те, кто ничего другого не умеет и уметь не хочет. Проблемы, конечно, есть, но «дорогу осилит идущий».